

«ОБРАЗ»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
№ 1 2015 г.

Кемерово
Офсет
2015

«ОБРАЗ»
литературный альманах
№1(5) 2015г.

Кемерово
Офсет
2015

Содержание:

Проза

Дарья Лебедева.....3

Поэзия

Елена Шантаева.....13

Владимир Еранов.....16

Наталья Бурлакова.....22

Юрий Климанов.....25

Дмитрий Филиппенко.....31

Ая Реин.....37

Валерий Ухандеев.....43

Нина Сурова.....47

Юлия Шестернина.....53

Игорь Старченко.....59

Светлана Уланова.....65

Ирина Сидельникова.....69

Ирина Малкова.....73

Анастасия Русских.....78

Лебедева Дарья Александровна, родилась в 1997 г. в городе Польшаево. Окончила школу №44 и поступила в Ленинск-Кузнецкий филиал Кемеровского медицинского колледжа. Участник литературной группы «Л.И.К». Публиковалась в альманахе «Кольчугинская осень». Проживает в г. Польшаево

Дарья Лебедева г. Польшаево

Медальон

На рынке шумели люди. Каждый продавец громкой речью зазывал к себе покупателя, проходящего мимо. Вокруг бегали дети, грозясь сбить кого-нибудь с ног. Они громко смеялись и шутили. Все это не нравилось Воину Гному, идущему за новым снаряжением. Он боялся, что эти противные детишки собьют его с ног или выбьют из рук новенький нагрудник или сломают ему пару стрел, торчащих из колчана за спиной. Гном всячески старался обходить их стороной, поэтому сам не заметил, как свернул в тихий переулок, где не было ни души. Он вздохнул, посмотрел под ноги и пошел дальше.

– Здравствуй, Воин, – раздался голос где-то над головой. Гном замер, готовясь выхватить кинжал.

– Кто здесь? – хриплым голосом спросил он. – Покажись!

– Прошу тебя, – нежно ответил ему голос, – убери оружие. Я не причиню тебе вреда. Просто послушай меня.

– И как же я могу слушать кого-то, кого не вижу? – прищурился он, вглядываясь в темноту меж домами, откуда и слышались слова.

– Прости, – раздался шелчок, и стены домов осветились, показав Гному поистине невероятное зрелище.

– Сказочница... – восхищенно промолвил он и поклонился.

– Не нужно этого, Воин, – ответила она ему, протянув руку, на которой звенели золотыми кольцами браслеты. – Встань, – Гном поднял голову и посмотрел на Сказочницу. Голову ее украшали рога, а на высоком лбу был высечен глаз. Казалось, он был самым настоящим и смог смотреть по сторонам. – Я хочу лишь рассказать тебе историю о Рыцаре, который уводил детей. Если ты готов слушать, то я начну.

– Конечно, Сказочница, – с трепетом ответил Гном. В землях гномов, Бронвосте, Сказочницы были едва не божествами. Их почитали и пересказывали истории, которые довелось услышать другим гномам, старейшим из всех ныне живущих.

– Тогда слушай, – раздался вздох. – Когда-то давно, когда этот город был еще во власти Короля людей, здесь объявился Рыцарь в черной накидке с капюшоном. Он появлялся раз в год, когда солнца на небе стояли высоко и день длился на час дольше. Каждый год, когда Рыцарь скакал на своем коне по улицам города, ему навстречу выходили дети. Обычные ребята, жившие со своими родными. Они шли за ним до черты города, смеясь и

распевая песни. Каждый год Рыцарь уводил с собой одного ребенка, и никто его больше не видел. Может, он съедал их, может, выучивал уводить детей из других городов или умирал, давая ребенку все свои знания и опыт, после чего облачал в черную накидку и отправлял в город.

Но в один год Рыцарь не пришел. Все вздохнули с облегчением, когда обнаружили всех своих детей дома. Никто не рыдал и не искал Рыцаря, пока однажды маленький мальчик не сказал своим родителям, что Рыцарь зовет его. Взрослые были в ужасе, так как это не предвещало ничего хорошего. Тогда они взяли со своего сына слово, что он никуда не выйдет из дома, пока зов не умолкнет. Но Мальчик все продолжал слышать, как Рыцарь зовет его и, когда все спали, ушел из дома на поиски. Шел он долго, пытаясь отыскать источник зова, и вот, когда надежда найти Рыцаря почти угасла, Мальчик пришел к замку. Голос Рыцаря усилился, и Мальчик вошел внутрь. Долго бродил он по темным коридорам замка, заглядывая во все комнаты, пока не спустился в погреб, где и нашел Рыцаря. Он лежал без движения, и Мальчик осторожно толкнул его. Тогда Рыцарь слабо произнес:

— Ты пришел... — лица его не было видно под темным капюшоном. — Я должен передать тебе свои знания, ведь только тогда ты сможешь стать мной.

— Но почему? — ответил Мальчик. — Ведь тебя все боятся. Я не хочу становиться таким, как ты.

— Да, — согласился Рыцарь, — меня боятся. Но они не знают, что я даю их детям шанс стать сильными. Взрослые слабы и не понимают, что если я умру, то миру придет конец. А дети могут сменить меня, без вреда для всех. Поэтому прошу тебя, прими мои знания и спаси мир. Это моя обязанность.

– Но почему ты забираешь детей раз в год? Неужели твой век таков?

– Боюсь, что так, – ответил Рыцарь, кашляя. – Если ты согласен, то возьми этот медальон, – он протянул ему цепочку, на которой болтался серебряный круг. На нем аккуратно были высечены двенадцать незнакомых Мальчику знаков, а в центре был голубоватый камень, словно бы светившийся изнутри. Мальчик нерешительно протянул руку и взял медальон. Камень стал светиться чуть ярче, и ребенок, словно замороженный смотрел на него.

– Что я должен делать? – спросил Мальчик у Рыцаря. – Ведь это не так-то просто, получить знания.

– Ты прав, – хрипло отозвался тот. – Но тебе нужно лишь надеть этот медальон и постараться понять то, что он покажет тебе. Не бойся.

– Значит, все это время дети исчезали просто потому, что ты – центр нашего мира? Если не будет тебя, не будет и нас? Верно? – Рыцарь кивнул. – Могу я увидеть твое лицо? – тот покачал головой.

– У меня нет лица, совсем. И ты станешь безликим, если наденешь медальон и поймешь все. Ты готов?

– Ради мира – да, – Мальчик поджал губы и надел цепочку на шею. Камень засветился еще ярче, и в глазах Мальчика быстро промелькнули все годы существования мира. От его создания и до настоящих дней. Пролетели перед глазами лица всех королей и королев, нищих и богатых. Прошли все войны и мирные дни. Картинки сменяли одна другую, пока не угасли, и Мальчик наконец увидел стены замка. Теперь ему предстояло быть Рыцарем и поддерживать мир.

– Но как же его родители? – спросил Гном, все еще замороженный рассказом Сказочницы. – Разве они не горевали о нем?

– Нет, они забыли про него. Пусть это и некрасиво, но медальон обладает волшебной силой. Помимо того, что ты можешь увидеть всю историю мира, он так же стирает тебя из памяти родных.

– То есть, родители остальных детей тоже забыли о них?

– Боюсь, что так и есть, – кивнула Сказочница. – А сейчас я устала. И солнце садится. Скоро будет совсем темно. Ступай, Воин.

– Благодарю тебя, Сказочница, – Гном поклонился и не спеша вышел из переулка. Рынок затих. Дети разбежались по домам, а продавцы складывали свои лавки и тоже уходили домой. Пить теплые напитки и общаться со своими семьями.

Когда Гном шел мимо одного из домов, то услышал цокот копыт. По улице вихрем промчался всадник в черной, как ночь, накидке, а из домов тихо выходили дети и бежали за всадником. Гном опешил. Он и не думал увидеть что-то подобное. Выходит, все истории – это чистая правда? Значит, что сегодня кто-то из детей уйдет из дома навсегда. Воин решил пойти к черте города, чтобы увидеть Рыцаря.

На тропинке, ведущей из города, он услышал топот. Гном быстро нырнул в ближайший куст, зацепившись за ветки бородой. Но не стал ее отцеплять, так как мог привлечь к себе внимание. На черном коне мимо этого самого куста промчался Рыцарь, придерживая ребенка, чтобы тот не свалился с коня. Как только топот затих, Гном выбрался из куста и, ругаясь, начал выдирать листья

и палки из бороды. Потом он еще долго смотрел вдаль тропы, по которой пронесся Рыцарь.

Близнецы

Тихо, чтобы не заметили с улицы, группа друзей шла по давно заброшенному дому, который вот-вот должны были снести. Сейчас гости дома словно бы прощались с ним. Днем заходить сюда настрого запрещено, так как охранялся он так, словно бы здесь спрятаны все сокровища мира, или здесь была какая-то секретная лаборатория. Но почему-то ночью охранники уходили...

В полной темноте, светя перед собой фонарями, люди шли по пустым коридорам, заглядывая в ранее обставленные квартиры, ныне превратившиеся в пустые комнаты, в которых если и мог кто-то обитать, то только призраки.

— Ну, и зачем мы сюда шли? — спросила девушка, ежась от ночного ветра. — Тут холодно, и мало ли, вдруг кто решил вернуться из охранников.

— Тихо, — азартно улыбнулся молодой мужчина. — А то напугаю.

— Пфф, — прикуривая сигарету, ответил другой парень. — Подумаешь. Ты вообще только своим внешним видом можешь напугать. Да и то, если на тебя с непривычки ночью наткнуться.

— А, вот и наш Паровоз голос подал, — ехидно отозвался мужчина. — Снова вонять собрался?

— И что с того? Между прочим, нормальные это сигареты, — пожал плечами парень.

– Неправда, – откликнулся мальчишка. – Воняют, да еще как!

– Тихо! – повысил голос мужчина. – Давайте уже пойдем.

Под ногами хрустело битое стекло и камни. Лучи света карманных фонарей падали на стены с облезшими обоями. Они были разных цветов и с разными рисунками. Кое-где в окнах все еще оставались стекла, потемневшие от времени и пыли, осевшей на них. Казалось, здесь всегда царит ночь, не уступая место дню.

– Кажется, я слышала кое-что об этом доме. Или не слышала, – почесав в затылке, тихо сказала пятая участница похода. – По-моему, на этаж выше что-то случилось в этом доме. Не знаю, может быть, это только слухи. Но раз уж мы все равно здесь, почему бы и не посмотреть?

– А что именно? – спросили у нее.

– Если все подтвердится – расскажу. Если нет... посмотрим. Идем.

Остальные переглянулись и последовали следом, на четвертый этаж.

– Забавно, – усмехнулся старший. – Четвертый этаж. Как символично*.

Внезапно по спинам каждого члена группы пробежал холодок. Все замерли, шаря глазами по сторонам, не решаясь повернуть голову. Фонарики замигали с тихим треском и выключились. В этот момент глаза у всех расширились, сердце очень быстро забилося, а во рту пересохло. До ушей людей донеслась тихая музыка, а затем и звонкий голос, как им показалось, пел мальчик. Это была очень грустная песня. Голос мальчика дрожал, словно бы он плакал, но становился все громче и отчетливее. Ребята, все так и не сдвинувшиеся с места,

побледнели так сильно, что их было отлично видно во мраке коридора. Музыка стихла. Первым отмер мальчик.

– Ребят, очнитесь, – потрепал он за плечо того, кто стоял ближе всего.

– А-ага... – явно ощущая неловкость, отозвался парень с сигаретой, которая уже истлела до фильтра. – Только, правда, темновато здесь.

Остальные помотали головами, чтобы хоть немного прийти в себя. Все чувствовали, словно бы их загипнотизировали, а теперь неохотно заставили проснуться.

– Выходит, все это правда... – удивленно пробормотала девушка, стоящая позади всех. – Надо же, – она пошла вперед.

– Не думаю, что это хорошая идея, – цокнул старший парень. – Мало ли, вдруг это какой агрессивный призрак.

– Едва ли, – пожала плечами другая девушка. – Иначе зачем ему было нам петь?

– Действительно, зачем? – саркастично ответил другой парень, покачав головой и доставая новую сигарету. – Вот найдем себе неприятностей, будете знать.

– Ты бы лучше спрятал свои благовония, – сказала ему та, что шла впереди. – Никому не нравится, когда рядом с ними курят. И, плюс ко всему, ни черта не видно. Э-эй... – позвала она, заглядывая в комнату, откуда доносилась музыка. Вдруг у всех включились фонари. Сами по себе. – Так, ладно. Я его и не выключала, – произнесла девушка, направляя луч света в комнату. Он тут же упал на старую потрепанную гитару, одиноко стоящую посреди пустой комнаты. – Мальчик? Мальчик, ты тут? Мы можем помочь тебе.

– Интересно, как? – язвительно спросил старший. – Ой! За что? – покосился он на девушку, которая ткнула его в бок.

– Вы можете вернуть мне мою сестру? – раздался позади всех слабый голос. Все подскочили и обернулись. – Можете убить нашего отца? Правда?

– Как давно ты здесь?

– Не знаю... давно, наверное, – он покачал головой. На первый взгляд, его ничего не отличало от обычного парня, который потерялся. – Сейчас декабрь? – он посмотрел на незнакомых ему людей.

– Нет, сейчас середина июля, – ответили ему.

– Но сейчас идет снег! Вы, наверное, бредите, – юноша покачал головой. – И сестра... – он всхлипнул.

– Что с ней случилось? – спросила у него девушка.

– Думаю, тебе лучше посмотреть на стены, – кивнул старший, направляя луч фонаря на одну стену. С первого взгляда могло бы показаться, что кто-то написал на стене бурой краской «Ненавижу». Но по спинам присутствующих снова пробежал холодок. – Ты, к слову, обещала рассказать, что здесь произошло.

– Да, точно, – кивнула девушка. – Несколько лет назад тут, в этой квартире, жил мужчина с детьми. Они были близнецами. Мать умерла то ли от болезни, то ли ее убили – это умалчивается. После смерти жены, мужчина начал пить и периодически всячески издевался над детьми. Разумсеется, не так сильно, чтобы все это видели. Нет. Когда бил – не оставлял следов, в остальных случаях... просто запугивал. И вот, в один прекрасный день он... как бы это сказать-то... перестарался. Девочка умерла. Мальчик медленно сходил с ума, после чего... – она сглотнула и покосилась напризрака, – вскрыл вены. Затем тоже ушел. Кто-то говорил, что он мог бы стать хорошим музыкантом.

Им было всего по шестнадцать лет. Извини, – обернулась она к парню. Тот слабо улыбался, а по его рукам текла кровь и капала на пол, но не оставляла следов. – Как мы можем тебе помочь?

– Убейте его, – неожиданно громко ответил он. – Если вы знаете нашу историю, то вы в курсе, кем был этот человек. Только тогда мы сможем освободиться.

– Это бред какой-то. Это было лет тридцать назад, люди столько не живут. Да и, тем более, мы не можем просто так убить человека.

– Какой сейчас год? – спросила девушка у призрака.

– Кажется... тысяча девятьсот семьдесят шестой.

– На тот момент вашему отцу было тридцать лет. Сейчас он уже умер, – уверенно произнес юноша с сигаретой. – Ты свободен, парень.

– Точно? – недоверчиво спросил призрак. Все закивали. – Ты слышала это, сестра? – он улыбнулся, и его глаза наполнились слезами. – Он мертв. Мертв! – парень вышел из комнаты, и его голос затих.

– Отличная ночка, ничего не скажешь, – нервно смеясь, произнес старший. – Надо как-нибудь повторить. Ищи еще дома с привидениями.

* В японской культуре число четыре является числом смерти.

Шантаева Елена. Родилась г. Ленинск-Кузнецкий, 26.02.1984года.

Образование среднее. Домохозяйка.

Печаталась в местной периодике с 1998г.

С 2000-2001 участница литературной группы « Тропинка к парнасу», с 1999-

2000 участница литературной группы «Парус». С 2006г. и по сей день участница

литературного объединения «Л.И.К».

Также стихи печатались в альманахе «Кольчугинская осень», в журнале «Огни Кузбасса».

Елена Шантаева **г. Ленинск-Кузнецкий**

Пасмурно, свежо и сыро.
Дождь. И лужи, и зонты.
Люди прячутся в квартирах,
Только не от духоты.
Прояснилось, стало легче
Выйти людям из квартир.
Вечер радугой всех лечит,
Разноцветьем полон мир.
Небо рдеет. Ветер, листья.
Дворники, костры и дым.
Осень года, осень жизни
Обрамляем золотым.
Ночь. Дневные меркнут краски,
Расцветает тишина.

И серебряные сказки
Пишут звёзды и луна.
Я – читатель этих сказок,
Содержание старо,
Но из всех люблю я красок
Тишину и серебро.

Качается лист на осеннем ветру
И спрашивает у нег: « Я умру?»
А ветер легонько его потрепал,
Но обрывать, почему-то не стал.

Ты помнишь, когда-то мы были как дети.
Носил на руках нас доверчивый ветер.
Мы к звёздам летели, две белые птицы,
Но снова мне наше падение снится.
Мы крылья сломали, и с неба упали,
И долго в холодном снегу замерзали.
А небо смотрело, как падают звёзды.
А небо кричало: вернутся не поздно.
Хотела в объятьях твоих я согреться,
Лишь снег целовал меня в губы и сердце.
И зимний мороз был жесток и серьёзен.
А снег превращался в горячие слёзы.
И не было больно, и я умирала.
А ты был спокоен. А небо молчало.
А сердце мечтало: вернуться не поздно,
Но падали,

падали,

падали звёзды.

Помечтать о дальних перелётах,
Вспомнить иностранные слова.
Это очень просто для кого-то,
Кто всегда берёт свои права.
Походить под парусом надежды.
С моря делать фото всех подряд.
А на море качка не удержит
Мой вестибулярный аппарат.
Все летят и едут бизнес классом,
Зная толк в валюте и рублях.
Я курю на списанном баркасе,
Но с большой мечтой о кораблях.

Нарисуйте мне солнечный свет.
Завтра день будет тёплым и ясным.
Я не верю сети Интернет.
В нём дожди обещают напрасно.
Напишите в конверте письмо.
Штемпель выведет верную дату.
В Интернете же будет оно
Виртуально, мертво не по факту.
Как ты на карусели летишь,
На машине, на аэроплане!
У экрана на месте сидишь.
И не чувствуешь ветра в онлайн.
Свет экрана не греет теплом,
Нет росы на цветочных открытках.
Подарите мне свет за окном.
Запах ландышей и маргариток.

Еранов Владимир. Живёт в городе Ленинск-Кузнецкий. Печатался в местной и областной периодике, литературном журнале "Огни Кузбасса", литературном альманахе «Кольчугинская осень», в 2009-ом году выпустил книгу стихов "Когда б мне снова было двадцать лет..."

Владимир Еранов
г. Ленинск-Кузнецкий

Неловкий взмах руки привёл
тебя, похоже, к катастрофе:
летит с подноса чашка с кофе
и с шумом падает под стол.

Случайный жест, напололам
рассекший неумело воздух!
И, вслед за грохотом, твой возглас
с упрёком к собственным рукам.

Но, умоляю, не спеши
так обвинять себя в промашке,
ведь кофе, пролитый из чашки,
не очернит пятном души.

Проступок твой – один из тех,
за что прощённым был бы каждый!

О, если б в мире этом *так же*
прощался нам и большой грех...

Я стреножен, как сетью,
блудный помысл кляня,
будто я в некой секте,
или кто-то меня
то ли тайно прельщает,
то ли разом прельстил.
Словно вьюнош прыщавый,
я смиряю свой пыл.

Жар волнами по телу –
гибну я во плоти, –
сколько ж надобно девок,
чтоб рассудок спасти
от зудящей истомы
и сомнительных чар,
в чьё-то лоно исторгнув
из себя этот жар!

Ширься, адская бездна,
пламя, ярче гори!
Сердцем сколько же бесов
я вскормил изнутри
по неведенью через
исступлённость свою!
Как от выпада в челюсть,
я, шатаясь, стою.

Греховодник со стажем,
мне ль противиться злу,
если чёрные стражи –
в каждом тёмном углу!
Надо мною – опека,
и за мною – догляд,
только отблески пекла
в лицах стылых дрожат.

Как ни упражняй свое стило,
достаётся, видимо, по блату:
более талантливому – зло,
менее талантливому – благо.

Тот – бездельник, этот – ценит труд,
каждый занимает свою нишу:
более талантливые – пьют,
менее талантливые – едят.

Отстранясь от мелочных забот,
пьют, решая вечные вопросы:
более талантливые – пот,
менее талантливые – слёзы.

Выпадет и нам когда-нибудь
видеть за пределом слов и формул:
более талантливому – суть,
менее талантливому – форму.

Вот и пробил час открыть глаза
на удел души и участь плоти.
Более талантливые – за.
Менее талантливые – против.

Живёт у нас поэт в Сибири,
как схимник, хмур и нелюдим.
Я говорю: он – лучший в мире,
мы бесталанны рядом с ним.
Другой с таким бы дарованьем
давно прославился, но тот
вздыхает, лёжа на диване,
и тут же, не вставая, пьёт.

Нему б жениться, что ли, или
хотя б с лица щетину сбрить.
Но он твердит: поэты – пили.
А я – поэт. И буду пить.
От этой логики железной
мне тошно делается, ведь
его никто не видел трезвым,
и он не думает трезветь.

Иной таким же был в начале,
а после – вынут из петли.
Кого-то еле откачали,
кого-то всё же не спасли.
И этот, если не завяжет
с загульной жизнью, кончит так.
Но он не верит мне и даже
ворчит: раскаркался, дурак!

Я говорю: зачем Ты, Боже,
смутил его, вручив Свой дар?
Им пренебрёг поэт!.. Я тоже
Твой дар едва не промотал.
И к тридцати остался с чем я?
Недужна плоть, к спиртному слаб.
...Поэт районного значенья,
не переросший свой масштаб.

Чашепитие

Я зажигаю свет на кухне
и, приоткрыв буфета дверцу,
спешу достать оттуда банку
с густым малиновым вареньем,
которое вчера буквально
успел попробовать – осталось
варенья после этой пробы
немного в пол-литровой банке.
Я из большой цветной коробки
пакетик с чаем извлекаю
и погружаю разом в кружку
с уже вскипевшею водою,
которую привёл в такое
восторженное состоянье
плод гения научной мысли
и инженерного искусства,
почти, что член семьи у многих,
в быту ж холостяков – хозяин
и бог на кухне – кипяtilьник!
Вот я снимаю с банки крышку,
и погружаю в банку ложку,

и, до краёв её, наполнив,
съедаю порцию варенья,
и тут же запиваю чаем,
которым обжигаю губы.
И снова ложку погружаю
я в банку, и, конечно, снова
я обжигаю губы чаем,
когда варенье запиваю.
Так постепенно я всю банку
опустошаю, с нею вместе
и кружку с ароматным чаем,
и наконец-то обретаю
покой и умиротворенье.
Мне б сочинить стихотворенье
иль приступить к уборке комнат,
что в ней нуждаются давно уж,
иль просто поглазеть на граждан,
спешащих по своим рутинным
делам под окнами моими, —
я ж на диване в сладкой неге
вперёд протягиваю ноги,
впадая в забытьё и дрёму, —
сам по себе, собою полон.
И кто-то скажет: он бездельник! —
другой поддакнет: верно! верно! —
а третий ничего не скажет
или брезгливо скорчит мину.
Но промолчу в ответ я, ибо
так расслабляются по-русски,
и это лучше, чем самадхи
каких-нибудь индийских йогов,
адептов Брахмы, Вишну, Шивы...

Бурлакова Наталья Ивановна, родилась в ПГТ Краснобродский 15 октября 1977 г., окончила школу № 31 в 1994 г., писать начала в 18 лет. Первая публикация в газете "Краснобродец" в 2004 г. В 2008 году маленьким тиражом вышел первый сборник избранных стихов «Осень – пора печали». В 2011 г. приняла участие в создании сборника стихов краснобродских поэтов "Когда стихи приносят радость». В 2013 приняла участие в альманахе "Там, где синее небо сходилось с холмами". Работает верстальщиком в газете. Проживает в ПГТ Краснобродский.

Наталья Бурлакова
ПГТ Краснобродский

Заря алела...

Заря алела... Трелью соловья
Разбуженное солнце поднималось...
Оно ещё едва-едва касалось
Зелёных крон... и отблеском огня

Позолотились городские крыши
И маковки на куполах церквей...
– Умолкни же ты, глупый соловей!
Иль пой хотя бы чуточку потише...

Но солнца луч, ведомый песней той,
Скользнул по краю тонкой занавески
И разорвал одним движеньем резким
Уютный сумрак ночи... – Утро, стой!

Любимый спит под лёгким покрывалом,
Я чувствую тепло его руки...
Всему и всем на свете вопреки
Я в эту ночь ему женою стала.

Ресницы дрогнули... сейчас откроет веки.
Запомнить навсегда его таким...
Покинет край родной, судьбой гоним...
Но я принадлежу ему навеки...

Отвык...

Отвык от меня? Отвык, —
Ответ полоснул стилетом
По сердцу... и я на миг
Забыла дышать... а где-то

Смеялась и пела весна,
Лазурь расплескав по небу...
Влюблённым опять не до сна...
А мне бы сейчас...а мне бы...

А мне бы один глоток
Надежды, что боль отступит...
И веры зелёный росток,
Что всё-таки ждёт и любит...

Ноябрь

Ноябрь ступал по городу неспешно,
Роняя снег на павшую листву,
И было невдомёк ему, конечно, —
Его приход подобен волшебству!

Он тихо брёл, окутывая нежно
Уставший город белой пеленой.
На улицах, уснувших безмятежно,
Запахло первым снегом и зимой.

Иллюзии разбиты...

Иллюзии разбиты в пух и прах,
Мечты, надежды, глупые желанья...
Остались неуверенность и страх...
И горький привкус разочарованья...

Вновь одиночество холодной рукой
Возьмёт меня за горло цепкой хваткой...
Желая обрести в душе покой,
Я буду долго слёзы лить украдкой...

От боли, пряча за стеной цинизма
Изравленную душу... Как спасенье
Я нацеплю улыбку оптимизма
И подарю тебе своё прощенье...

Золотая осень...

Небо голубое – облаками проседь.
С солнечным прищуром золотая осень
Ничего не скажет, ни о чём не спросит...
Всё, о чём молчу я, временем уносит...

Юрий Климанов. Родился в городе Кемерово в 1998 году. Учился в ДХШ № 1 и лицее № 62 г. Кемерово. С 2009 года - в детском доме. Учился в средней школе № 90. Лауреат областного литературного конкурса "Свой голос", Гран-при конкурса "Гнёздышко" (журнал "Огни Кузбасса"). Живёт в Кемерово. Член литературных студий "АЗ" и "Притомье". Лауреат международного конкурса "Устами детей говорит мир".

Юрий Климанов г. Кемерово

Рынок

десятый круг ада

там, где люди были в теле,
в гаме
обсуждали – землю делим
и потрясали деньгами
ходили с кровью на руках
да мы убиваем, увы, и
по коридору на крюках
везде висели коровьи вы, и
старухи орали
Иисус божий сын!

и орали толстопузые
покупайте хлеб и сыр
и казахстанские арбузы
бегали и бегали
так по тараканьи
лошади пегой
продавалось мясо и баранина
стонала и выла рвань тел
руки пряча в рвань одежды
и из каждого глядел Данте
и купцы обсуждали: должно быть, их мясо
нежно
послушай рвань же!
не смыкая злобных вежд
ходите, как ходили раньше
пряча руки в рвань одежд!
а между
тем
продают купцы одежду
и своим «покупай» ем, бросают в тень
а из тени этой
клиент
выползает из лет леты
бренча серебром монет
покупатель! –
захотала торговка
а Аид её душу прихватит
вместе с норкой

Слово

пусть мне снова
полунамекают на бучу
зато я знаю — слово
это — вдрызг бухой рабочий

у него кулак пахнет бойней
знаю потому что подошёл и понюхал
как я могу быть спокойней?
меня просто напросто тянет хрюкать

я умею его как курица яйцо нянчить
потом буду вытирать за ним пьяную рвоту
а потом возьму и отпущу его баячить
за его бухую рабочую свободу

Запах жизни

Эй, прохожий! Помнишь запах буден,
Запах воздуха,
скользкого, как слизень?
То, как пахнут зданий груды...
Помнишь, проходящий, запах жизни?
Помните, чем пахнет в магазинах,
У прилавков и в мясном ряду?
Помните, как пахнет жизнь бензином
С грязью? Помните вы черни череду,
То, как пахнут их голодные желудки?
...Пахнет жизнь засаленной мечтой,

Пахнет жизнь
богачкой, в жире жуткой,
По проспекту сальному,
едушей домой.
Пахнет жизнь безжизненной конторой,
Бумажкою – хоть воздух не глотай.
Пахнет жизнь бумагой, из которой
Делают билеты на трамвай.
Пахнет газом труб автомобильных –
Солнце им пропахло, им пропахла ночь.
Газ, вдохнув с луной,
падают бессильные –
Едкий запах жизни им вынести не в мочь.

Право на месть

Не отбирайте у человека право на месть!
Это слишком, слишком жестоко!
Пусть хотя бы крови и плоти замес
будет во власти и воле его рук рока!

Не отбирайте у человека право на месть!
Лучше лишите его конечностей,
пусть он будет – зубы прогнившие весь,
чтобы смочь вцепиться в горло бессердечной
бесконечности!

Не отбирайте у человека право на месть!
Не отбирайте последнее, священное право.
Лишите свободы, любви, заставьте железо есть,

но – не жгите, не жгите мозг хаосом лавы
кровавой!

Люди! Разве вы знаете, как в уме
разлагается боль, гниёт пустота – усталость?
Не отбирайте у человека право на месть!
Это последнее, что у него осталось!

Жришь

Пусть подлопаются животы –
слишком путают чёрные пропасти.
Ешьте, ешьте из человека манты,
что б вы елишьлось – лопайте!

Жрите живое, дёргающееся желе,
чувствуйте, как под зубами скрипят нервы.
Чтобы перед смертью о жизни не жалеть,
надо быть – хотя бы в обжорстве – первым!

Люди! Надо уметь жить –
уметь жрать на широкую ногу.
Но – чтите права колбасы-госпожи
и устроившего жизнь желудка-бога.

Что – ресторация, что – проституция,
всё – куриных ножек рать.
Ведь наверняка – и у Конфуция
между строчек написано – жрать!

Ещё люди поднимают к богу руки
и вопрошают: жить как?
Как им объяснить, что ответ – в пяти буквах:
же,
эр,
а,
тэ,
мягкий знак!

Когда ты не чувствуешь, кто ты такой,
И не понимаешь, что делать,
И нужен болезненной мысли покой,
В покое нуждается тело
– но нет, не уходит расплывчатость слов,
Сумбурность, бездейственность мыслей,
Бездумные образы слов – как ослов,
Бредущих одной вереницей,
– бредущих на бойню – баранов, коров! –
И мысль – мертвецами заполненный ров
– тогда не отделишь
будней от снов.

НО – станут действительны вдруг миражи,
И преобразуется тление,
И точно, и явственно видится жизнь
В ритмичности стихотворения.

Филиппенко Дмитрий Александрович родился в 1983 году в городе Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса», в альманахах: «Тайгинские зори», «Жарки Сибирские», «Кольчугинская осень», «Образ»; сборник «Поэты России», газетах: «Л.И.К», «Площадь Пушкина». С 2013г. главный редактор литературных альманахов «Кольчугинская осень» и «ОБРАЗ». Автор двух книг стихотворений: «На ладонях берёзовых рук» и «Небо на подоконнике».

Дмитрий Филиппенко
г. Ленинск-Кузнецкий

Влюбился...

Влюбился я нечаянно в тебя,
В твои дожди, в твой городок уютный,
В твой голос, словно шёпот октября,
Мурлыканье твоё июньским утром.

Влюбился я в касанья рук твоих,
И в их тепле ничуть не усомнился,
Влюбился в воздух с запахом хвои,
И в это небо тоже я влюбился.

Влюбился я давно в твои стихи,
И покорён метафорой, и строчкой,
А для тебя любовь ха-ха, хи-хи,
В твой вкусный смех влюбился я, и точка!

Не забывай

Занавес. И гроза.
Небо становится тоньше,
Выстекли мне глаза,
Если не любишь больше.

Выпей озоновый слой...
В шёпоте космоса улиц
Станешь «Медведицей» слов,
Чем-то теплее пули.

Наша любовь больна...
В трепете новых влечений
Не забывай вспоминать
Радугу сердцебиений.

Как хорошо под тайскою луной
На берегу не думать о России
И накрываться тёплой волной,
У моря наслаждаться чаем синим.

Под пальмами гуляет наш народ,
Не замечая должности и ранги,
Когда на родине смородина поёт,
То здесь в Тайланде бенефис у манго.

Пускай на десять дней я эмигрант,
Зато моей душе легко и просто.
И верится, что я вернусь в Тайланд!
Вот бы с собой забрать в кармане остров.

Вечер неоновый плыл за окном,
Лаяли громкие улицы,
Мы запивали болгарским вином
Старые фильмы Кустурицы.

Нежно губами касался щеки,
Жизнь без тебя станет глупою,
Значит, о нас написал Стивен Кинг,
Раз мы с тобою «Под куполом».

Ночь неожиданно стала черней,
Молния стала от скуки выть,
Мы от неё заряжались сильнее,
Чем от электаклей с Безруковым.

Куда меня судьба не заводила,
И где, простите, только я не ел,
Мне палочки дорожке стали вилок,
И как я ни хотел, не похудел.

Тайланд меня едою вкусной манит,
И слышится на улицах «Ням-ням»,
Я забыл, какого вкуса дранник,
Когда покушал местный суп «Том ям».

Ну, а какие продаются фрукты,
И жалко, что казна моя мала,
Драконий глаз попробуешь и вдруг ты
Поймёшь, что это русская свекла.

Куда меня судьба ни заводила,
Когда уже был отпуск на носу.
Ещё вчера я кушал крокодила,
Ну, а сегодня ем куриный суп.

В поддержку Игоря Акинфеева

Какая странная страна,
Больное племя идиотов,
Раз ошибёшься – и хана,
И всем склевать тебя охота.

Критиковать всегда с руки,
А за успехи мы не хвалим,
Мы точим злые языки:
И без костей и без моралей.

Пускай звенит, свистит народ,
И разбивают журналисты,
Он выживет, он не умрёт,
Он станет лучшим футболистом.

Какая глупая страна,
Мне слушать больше не охота,
Поставить бы и распинать
Все ваши задницы в воротах.

Ирония Судьбы

Вчера узнал иронию судьбы,
А раньше никогда в неё не верил,
Не помню, как открыл я эти двери,
В автобусе проснулся вроде бы.

Спросил людей, куда мы держим путь,
Мне девушка ответила в Белово,
В Белово? Это где такое слово?
На карте мне покажет кто-нибудь?

Я сам с Новосибирска. Как же так?
Из Кемерово еду я в Белово,
Я помню водку, две тарелки плова,
А где же друг, не вспомню я никак.

Ну, вот мы подъезжаем на вокзал,
Куплю билет домой, к жене поеду
И поменяю жизненное кредо,
Не буду больше заивать глаза.

Хоккейное

Поздним вечером страна горько плачет,
Уложили всю страну на лопатки,
И солёный лёд последнего матча
Понял правду, почему он не сладкий.

Ждали чудо, запах первого гола,
А в подарок аритмии осколок,
Лишь остался горький вкус валидола,
Не разгонит нам сердца кардиолог.

Голодали без побед и медалей,
Долго всматривался в нас город Сочи,
Поменяем мы коньки на сандалии,
Если наш хоккей ещё кровоточит.

Пепел

Ради Бога, со мной не шути,
Не играйся словами пушистыми,
Мне не нужен серебряный штиль,
Нужен шторм мне с грозой и искрами.

Половинка души не моя,
Сердцу верю, но больше не хочется,
Помогает ночами Хайям
Скоротать мне моё одиночество.

Расстояние в три сотни лет
Не спасёт от тебя и от холода,
Обронил красный пепел рассвет
На ладони ночного города.

Ая Реин родилась в Украине, в г. Орехов 19 июня 1998 года. В 2000г. переехала в Россию, в г. Ленинск-Кузнецкий. Окончила гимназию № 18. В настоящее время студентка медицинского колледжа. С 2014 г. участница литературной группы «Л.И.К.» Ая Реин публикуется впервые. Проживает в г. Ленинск-Кузнецкий.

Ая Реин
г. Ленинск-Кузнецкий

У осени на плечах
просыпаются звезды,
волнами теплыми
передавая грусть.
Каждый день,
открыв глаза,
встречаю
суицидальное утро,
у которого
сигареты длиннее
моих пальцев.
И если бы было
можно измерить
теплоту к тебе,

то она оказалась бы
длиннее жизни.

Луна
коснулась
моих дождливых ресниц,
и жизнь упала в кружку
сладким чаем,
ныряя все глубже и глубже,
проплывая мимо
рыб:
китов
и акул.
Дотянувшись, рукой до дна
кислород закончился,
чай был выпит,
а жизнь
так и не стала сладкой.

Осень срывает с людей маски,
а с городов красоту,
показывая мир таким,
каков он есть на самом деле,
серый,
грязный,
никому не нужный,
и грусть не спрятать в карманах
или под башлыком на куртке.
Осень, как и я,

прячется от холода
в теплой маршрутке.

От дождя у меня мурашки по коже,
а в голове депрессивный космос
из несбывшихся планов,
недосказанных слов,
и от бессилия,
которое подставляет
каждый вечер
пистолет к виску,
в надежде на то, что я сдамся
или умру.

Осень, почему мне грустно?
почему я такой растоптанный,
никому не нужный человек?
Без веры в себя
и мечты.
Знаешь, осень,
ведь я такой же,
как и ты.

Просынаясь с лужами
под глазами,
проклиная город,
в котором нет тебя.
Ты помнишь,
когда бокал
с крупицами счастья
разбился,

и даже вера
обезверила
от воспоминаний,
которых не вернуть.
Мы – корабли,
потерянные в море,
и теперь у каждого
свой путь.

Одиночество давит
на сердце
холодным асфальтом,
и ветер унесет
остаток надежды.
Воспоминания теряются
в проспектах,
и с годами их насмерть
сбивают машины
с номерами
"боль",
"ненависть",
"обида".
И все-таки люди
наивные,
ведь никогда
не будет так,
как было прежде.

Ночь
снимет
с твоих
ресниц дожди.
И пальцы
рук
согреют
губы
в холодных
осколках,
которые
режут
не только
их, но и моё
еле живое,
еле тёплое,
еле дышащее,
словно
удар капель
сердце.

Сегодня меня согревал снег,
А на твоих щеках рисовал любовь изо льда,
Между нами океаны, города,
Но ты по-прежнему самый дорогой человек.

Я подарю тебе для сердца перчатки,
Ведь твои чувства заняты холодными тучами,
И воспоминания наступают на горло, на пятки,
Всё-таки мы с тобой в любви невезучие.

В молоке растворятся слезы зимы,
И с ветром уйдут первые морозы...
Я тянусь до тебя, словно до луны,
И обжигаю руки рассветом,
Который проходит изломанностью
Через все болевые точки.
Но все равно без тебя холодно,
И этот холод не умещается в строчки.

Без тебя одеяло холоднее зимы,
и в сердце отключили отопление.
Мы любили чай и море,
но нет больше "мы".
И я, как и раньше,
жду потепления.

Глаза откроет ночь,
и с ее ресниц посыплются звезды,
отмеряя сантиметры до земли дождем.
Я помню твои любимые духи,
родинку на лопатке
слева, форму губ – перевернутый полумесяц.
И лед трескался в груди,
возвращая остаток ртутной правды
твоими словами:
– Мы же сильные. Переживем.

Ухандеев Валерий Константинович, родился 29 сентября 1962 года в Горной Шории. Основатель такого литературного течения в современной русской литературе, как криптопоэзия. Организатор литературного ордена «Экзагега Логоса», ордена паранормальной поэзии. Публиковался в Петербужских и Кемеровских журналах. Автор книг «Шахтёрский байки», «Вещь», «Интуэрэ». Проживает в г. Польшаево.

Валерий Ухандеев
г. Польшаево

Когда меня увидит сон,
Я остановлюсь ему навстречу.
Окаменевшее время вернётся в город.
И он застынет
На весь оставшийся мой взгляд.
Застывшие окна и двери домов
Вцепятся в тоскливое чувство этой
Бездонной минуты, опустошая сердце и душу.
Я узнаю этот район города.
Я слышу город: он обращается ко мне,
Он говорит голосом упавшей листвы:
«Проходит всё, и я пройду,
И только ты останешься на пустыре,
Когда тебя увидит сон».

Снег – понедельник неба
В сознании вечных плеяд.
Если укутать не во что
Потусторонний взгляд.

В зеркале, как в приюте,
Для брошенных взглядов
Трещины, словно прутья
Потусторонней ограды.

Снежинки – следы кошачьи,
За мной понедельник пришёл,
Пробелы в голосе пряча
В динамиках радиол.

На айсберге солнца
Сквозь лунный инстинкт
Радиоволны в хроно-анонсе
Пророчат в соавторстве браунинг.

И в летаргических книгах
На полках и на столе
Вечность моя возникнет
С выдержкой сто лет.

Вечер.
Ладонь горизонта
Держит вдали от всех

Солнечное сердце.
Я опускаюсь на ступеньку,
Но не крыльца,
А ту, что почему-то осталась в огороде.
Старая некрашенная доска
С выпуклыми овалами
Обласканных временем сучков:
Ведёт меня к солнечному сердцу.

Луна вернула пруд в свои владения.
Берег заросший камышом –
Щетинистый загривок вепря,
Вцепившегося своими клыками
В бездну неба и воды.
Время брошено на ветер.
На языке отмели
Таёт лунный трон.
Всё это я видел в твоих глазах,
Когда ты говорила: «Знаешь...»

Шахта это дорога под гору,
Чтобы достать из глубины веков
Нагора горы
Чёрные как крыло
Первого палеозойского ворона,
Который там надо мной
Кружит по-прежнему
В окаменевшем полёте своём.

От суйцида защищает лень.
Произношу я это с неохотой.
Хотя его уведомление
Блуждает в телефонных сотах.

Настежь выворачивая тень
На почве гелиоцентризма,
Как чёрный полиэтилен,
По ценам сниженным.

Не зарубцованы микроинфаркты
На миокарде часов.
Будильник продолжает каркать
Календарю в лицо.

Хронометр как пуговицу с мясом
Я вырву из материи пространств.
Пусть хохот проезжающего МАЗа
Мой карандаш сгибает в реверанс.

Сулова Нина Александровна родилась 10 мая 1961 года. Окончила педагогическое училище. Работала в школах г. Ленинска-Кузнецкого учителем начальных классов. Победитель фестиваля поэзии 2012 года. Её стихи печатались в литературной газете «Лик», в альманахе «Кольчугинская осень», в журнале «Огни Кузбасса». Автор трёх поэтических сборников: «Скользя под облаками» 2005г., «Город забытых надежд» 2006г., «На свет твоего лица» 2013 год. Живёт в городе Ленинск-Кузнецкий.

Нина Сулова
г. Ленинск-Кузнецкий

Если хлынет твоя зима,
Если я ещё вся – наружу,
Помоги мне запрятать душу –
Я уже не смогу сама.

Если хлынет твоя зима...

Не грусти, любимый – это просто стужа.
Это просто солнце застеклила лужа...

Пополам со снегом

Я правда тебя простила.
Не думай, не мучай сердце.
И утром осенним стылым
Не стой на таком ветру.
А время – не шагом. Бегом.
А шарф, ты...
Ах, да – не носишь...
Дожди пополам со снегом –
Сквозь дым запотевших труб.

Теперь я живу стихами.
И смех в окаёме грусти.
И медленно дни стекают –
Чем бережней, тем больней.
А скоро зима – из плена.
А ноги – в тепле? Не мокнут?
Всё так же болит колено?
К погоде, к ветрам...
Ты с ней..?

Вороны с утра кричали...
Ночами хотя бы спится?
Соседи бренчат ключами.
Темнеет. Включили свет.
А я пироги с капустой
Сегодня пеку. И плачу.
Пустяк – обожглась...
Не пусто.
Не жутко. Не холодно.
Нет.

Листья

Дождливо и серо, и запах тревоги...
Что чувствуют листья, спадая под ноги?
Деревья в раздумье, опущены веки.
В них что-то такое, что есть в человеке.
Им ведомы те же и горечь, и муки.
И так же душа голосит от разлуки.

А помнишь...

Унылая правда плетёт паутинку...
Другая тебе застилает простынку.
И мне не светает, не ночь, и не спится.
А помнишь, ты плакал у окон больницы?
Потом мы бродили по нашей тропинке
От первой звезды и до первой росинки.
Теперь вспоминаешь хоть с капелькой грусти?
А как там скульптура ребёнка в капусте?
Кивают макушками ёлки при встрече?
Да ты не печалься – здесь кормят и лечат.
А мне всё равно, что больнично, что бело.
А мне – чтоб душа у тебя не болела...

Просто...

Нет, ты не запачкал. Нет, ты не разрушил.
Пришёл с коромыслом, и вычерпал душу,
И вытоптал сердце моё, а вначале
Я просто лечила твои же печали.

Холода, снега, ангины...
Ржавый поскрип фонаря.
Прячу в погреб георгины –
Середина октября.

Редкий лист ещё мелькает,
Дворик полинял, облез.
Как сквозь дыры вытекает
Содержимое небес.

А финал у этой сказки
Поизношен до седин:
Скомкан холст, размыты краски,
Где-то кто-нибудь – один.

Другой женщине

На ветру медвяных слов словно пчёлки кружим мы.
Этим сладким сквозняком обе мы простужены.

Он, не поняв, не ведая, не веря,
На пустоту нанизывал причины –
И вот, под звук захлопнувшейся двери,
Пьёт одиночество размеренно и чинно.

И я живу, и говорю с кукушкой,
С часов сметая пыль и паутинки,
И память мне назойливой подружкой
Листает постаревшие картинки.

Бездомный ветер в ключья изорвал паруса.
Лодочка, плыви – соломенные вёселки.

Судьба как музыка.
Поём с листа...

Страшно ощущать себя зависшей
над собственной судьбой:
смотреть в воду –
и не отражаться;
бояться прихода весны –
и кормить с руки умирающий снегопад.

За окном всю ночь со скрипом что-то отрицал фонарь.

Cumgranosalis

Не желая пресноты,
Он переборщил «с крупинкой соли»
И получил свой пуд.

Послезвучие

От твоей игры
В душе моей
Запала клавиша.

Рецепт

Жизнь горяча.
Надо пить её по чайной ложечке.
Жизнь быстротечна.
Надо пить её по чайной ложечке.
– Если жизнь горька, как её пить?
– По чайной ложечке.

Юлия Шестернина родилась в городе Калтан Кемеровской области в 1975 году. Имеет высшее педагогическое образование (окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт). Работала учителем, воспитателем, библиотекарем, журналистом. Воспитывает двух дочерей. В настоящее время работает продавцом непродовольственных товаров. Стихи пишет с юности. Автор сборника стихов «Радуга жизни». Поэтический клуб «Родник».

Юлия Шестернина
г. Калтан

Ассоциации

Дочь взяла старый чёрный пакет,
Долго смотрит в него, восхищаясь:
Через дырочки падает свет,
В небо звёздное вмиг превращаясь.

Поделиться со мною спешит,
Открывая красу мирозданья.
Детство – радости мощный магнит,
Светлый путь откровений познанья.

Я смотрю в тот же самый пакет
И в эффекте 3Д вижу душу.
В ней темно, только огненный свет
Жгучей боли всё рвётся наружу.

Резкий поворот

Мир свернулся в точку и погас.
Рухнул в одночасье небосвод.
Не увижу больше нежных глаз.
Неожидан резкий поворот.

Но прощенье надо попросить,
Не успела... Страх и пустота.
Ангел где-то рядом стал кружить,
Тихо отступала темнота.

Сообщенье. Радуга от слёз.
Слабый вдох. Осталось мало сил.
Жизнь летит безумно под откос,
Но есть тот, кто понял и простил.

Луч заката

Цепляясь за сосульки и срываясь,
За жизнь боролся красный луч заката.
Но холода их душ рукой касаясь,
Он понял: умирать достойно надо!

Не ждать, что кто-то вдруг обронит слёзы,
Предложит помощь, в трудный час спасая.
Но как же без него другим в морозы? –
Луч думал о живущих, умирая.

Осенняя исповедь

По кусочку душу раздавала,
По живому резала ножом.
Оттого и счастья в жизни мало,
Что друг друга мы не бережём.

Ищем новых чувств и впечатлений,
Не боимся пагубных страстей,
Расстаёмся и без сожалений
Подставляем под удар детей.

Осень жизни грустная такая!
Не считаю я своих седин.
А зачем считать? Я точно знаю,
Их число равно числу мужчин.

Диковинный товар

Очередь в колбасной лавке.
Вечер. Хочется поесть.
Куры, сало на прилавке.
— Вы скажите, нежность есть?—
Тихо женщина спросила.
— Сколько вам?
— Ну, с килограмм.
Продавец кивнула мило —
И на склад. Завидно нам.
Я на цыпочки привстала,
Чтобы нежность рассмотреть.
Надо ж, я-то и не знала,

Что здесь можно занять!
Мне б любви 5 килограммов,
Ласки около кило,
Страсти хватит 200 граммов
И успеха, чтоб везло.
Уместить бы всё в пакете.
Или в сумку положить?
Как прекрасно жить на свете,
Если можно всё купить!

Участковый

Открыла двери. Новый участковый.
Глазам не верю: «Саша? Проходи!»
А сердце бьётся как-то бестолково,
И захлестнуло счастьем изнутри.

Пришёл по делу, а когда-то в школе
Любили так, что вешались враги.
Проснулась радость, память поневоле
Запела песню верности в груди.

— Любые дам тебе я показания.
И чем смогу, конечно, помогу!
Прости. Весна! И ты как в наказание,
А я всегда пред Родиной в долгу!

Дешёвый товар

Авария случилась на неделе,
И в магазине отключили свет.
Вещами всё завешено в отделе,
Темно, и покупателей-то нет.

Тоска замучила. Я вышла из отдела.
Техничка косо смотрит на меня,
Критически оценивая тело:
– Во сколько оценила ты себя?

В руках по-боевому держит веник.
Смотрю, ко мне прилип случайно ценник.
Хоть тысяча пятьсот – не так уж мало,
Весь вечер я потом переживала.

Ведь если скидку сделать на года,
То дешево получится тогда.

В плену любви

Ты берёшь от жизни всё, что можешь,
Я же отрекаюсь от всего,
И твой взгляд пронзителен до дрожи,
Мысль одна – сбежать бы от него.

Но рука в руке, тепло по телу,
Не сопротивляюсь, не бегу.
Мы с тобою видимся по делу,
Только жить так больше не могу.

Отключаешь волю и строптивость,
Гасишь бунт любой на корабле.
Ты сменил сегодня гнев на милость,
И вино играет в хрустале.

Даже не притронусь к угощению,
Я не ем, не пью и ночь не сплю.
Капитан, ты ищешь приключенье?
В плен бери! Я сдамся. Я люблю.

В лесу

Я пью настой целебной тишины,
Любуясь разнотравьем под ногами.
Подснежники досматривают сны,
Навеянные белыми снегами.

Кандык качает ветру головой,
Синеет чуть поодаль медуница,
А воздух пахнет счастьем и весной,
И хочется, как в юности, влюбиться.

Старченко Игорь Борисович. Родился 4 февраля 1989 года в г. Ленинск-Кузнецкий. Окончил школу № 17 г. Ленинска-Кузнецкого. Публиковался в литературных газетах «ЛИК», «Образ», в литературном альманахе «Кольчугинская осень». Участник литературной группы «Л.И.К.». Живёт в г. Ленинск-Кузнецкий.

Игорь Старченко
г. Ленинск-Кузнецкий

Призрак

Ты, какой теперь не коснись темы,
Словно призрак по всем законам мистики
Сквозь фантазии бурной хрупкие стены
На цыпочках тихо крадёшься в мои стихи.
Осталось последнее, в себе сломав, терпеть.
Над листом, словно сердцем скользить на штык.
И как не перекладывай слова теперь,
Надменно в каждой строке моей дышишь ты.
Хоть вынуждай писать про дождь себя силком,
Хоть стели поля ромашковые за край листа, но
Ты и здесь неминуемо пройдёшься босиком,
В каждую строку шаги твои закрались тайно.

Память предательски всё в одно сольёт

Память предательски всё в одно сольёт,
Вспомнив, не позабыть, как дышать бы.
Что, товарищ, сломался? Тронулся лёд?
Вот и лови очередную шайбу!
Тебя обведут снова, глупый,
Хоть крестом расстелись на льду.
Жизнь осядет, словно в углу пыль,
Слова и сердце белый лист найдут.

Как средь ясного неба гроза

Как средь ясного неба гроза,
Гимн смерти взорвал пустоту.
Закройте мои глаза,
Я так люблю темноту!

Стоя стонет воплями дикими
И плачет по мне целый свет,
Одарите меня гвоздиками,
Я так люблю красный цвет!

Отблески слёз первой пробы,
И все слова: "он был... такой..."
Закройте крышку гроба,
Я так люблю покой!

Не друг... не оправдан, не понят...

Л.Я.В.

Не друг... не оправдан, не понят...
Когда вокруг такие "правые" лица,
Хочется сдохнуть, не знать, не помнить...
Просто к чёртовой матери провалиться!

И добрых лиц становится так мало,
Тлеет правда и потёмки сплошь,
Когда на душу кладут, как покрывало,
До белизны отстиранную ложь.

Но когда-нибудь, сквозь ночь, сквозь тернии –
Да, я до последнего верю в это –
Моя звезда, среди неправд затерянная,
Навсегда призовет меня к свету!

Послание Биатрисе

Твоей печали снега вероломно идут, и
Собственная психика – поле грядущей брани.
И медленно сыпятся последние редуты,
Крепись! Они не такие души брали!
Ведь ты не из тех, кто "воля потоньше фанеры",
Но всё-таки я предположить хоть раз посмею:
Сердце твоё словно пальто в шифоньере –
Кто пробовал надеть – никому не по размеру.
Ты смеёшься, прокляв судьбу свою и поругав,
За век до откровенности, за шаг до крайности,

Но вот моя рука тихо-тихо скользит в рукав...
Я сочувствую тем, кто не смог этот рай носить!

И, может, тогда...

А.М.Б

И, может, тогда мы всё-таки вспомним,
Как на бумагу ложился космос,
Когда будет нечем бездну восполнить...
И за бездарность не спросит никто с нас...

И, может, тогда мы всё же поймём, но
Станет ли нам в тот миг честно-боязно,
Что те, кого звёзды зовут поимённо,
Раньше всех уезжают в космическом поезде

И, может, тогда приоткроются тайны
Его душой подсвеченных созвездий,
Когда к земле уже не вертикально
Когда со звёздами на равных, вместе!!!!

Ворочаются мысли под тишиной

Ворочаются мысли под тишиной,
Того гляди проснётся память.
Пойдёт по улицам души шальной,
Чтоб шагами тишину разбавить.
Сквозь размытые серые линии,
Там, где снег всё живое обвил,
И замёрзнет на улице имени
"Никогда не рождённой любви".

И как не скребись – только чертям потеха

И как не скребись – только чертям потеха,
Клялся – не сдамся, но глаза всё темнее.
Нынче ангелы – дефицит, спасают вон тех, а
Мне места нет среди спасённых сотен в небе.
Вот так и крикнуть во всё горло: "Эй, небеса,
Хоть бы раз на всех разверзлись
справедливостью!»
Но небо лишь темнеет, темнеют мои глаза...
Так было всегда, сколько жизнь не длилась тут!

Хочется

Хочется кого-нибудь встретить на миг
Из тех придуманных мною фантазий,
Узнать, полюбить... И увидеть мир
Ходуном верх дном до безобразия.

Жить, как хочется жить вечно,
Как будто бы смерть вогнали в могилу,
Летать, летать за грань человеческих
Мозгов, и притяжение словно бы сгнуло!!!

Он в никуда шагал над...

Он в никуда шагал над...
Первый, другим оставляя след,
Я в глазах его видел ад,
Я в глазах его видел свет.

Он одушевлял материю бездушных тел,
Ненавидя всех и всех любя,
И так, как хотел, вертел
Весь мир вокруг себя!

Отречение

Кто воздвиг тебя? Впрочем, не важно...
А я сегодня Библию к огню подвинул!!!
И попробуй сказать, что не страшно,
Если мир зашепчет: "Виноват и повинен!!!"
А хотя, я наивен, обязательно найдутся
Стоящие со свечкою в руках у алтаря,
Те, кто захотят бессмертием надуться,
Молитву будут снова повторять.
Но, знаешь, всё-таки время сильней тебя,
Попробуй найди приспешников Зевса...
Они тоже молились, свитки долго теребя,
А кто-то двигал, за и против взвесив!

Светлана Владимировна Уланова
родилась 2 января 1967г. на Камчатке.

Живет и работает в г. Польшаево
Кемеровской области. Публиковалась в
журналах: «Огни Кузбасса», «Русский
писатель», «Союз писателей»,
«Московский вестник», в московском
еженедельнике «Слово» и др.

Победитель Всероссийского
Фестиваля им. А.М. Бельмасова – 2014.

Автор двух книг стихотворений «На
тонких струнах любви» и «Кольчугино
колечко».

Светлана Уланова
г. Польшаево

Я бежала

Я бежала, бежала во сне и в мечтах наяву –
Не найдя никого, ничего, что давно потеряла...
Но успела понять и сказать, что уже не люблю
Душных комнат,
пропахших со временем духом вокзала...

Я устала, устала, наверно, лететь в пустоту,
Обжигаясь и падая, крыльев своих не жалея,
Понимая умом, что ломала судьбу-суету,
И жила под созвездием я не своим – Водолея...

О, парсеки Вселенной моей... Где смогла бы пристать
И не познанный рай обрести за чертой турникета? –
До созвездья Удачи, я вижу, рукою подать...
И, туда заглянув, вновь на счастье кидаю монету.

Отец

Давно не слышно канонады...
Но слышен гул – здесь шахта рядом...
Где солнца с роду не бывает –
Шахтёры уголь добывают.
Там мой отец... Он каждый раз
Целует на прощанье нас.

Жилище поэта

Пусть жизнь протекает обычною прозой,
Рассказом о прошлом и о настоящем...
Жилище поэта – особенный остров,
Когда вдохновение животворяще.

Зачеркнуты строки безжалостно будут,
И строчка, одна, та, которую нужно –
Нечаянно вспыхнет под стать изумруду,
И рифма окажется очень послушной.

Сидишь за столом, но над миром парящий,
Горишь маяком в полутьме, прямо в космос...
Когда вдохновение животворяще,
Жилище поэта – особенный остров!

Огородное

Сорняки вперемешку с петрушкой –
Там, где травный затеяли спор,
Огородное дело радушно
Открывает для мыслей простор.

В суете-маете бесконечной
Дай мне силы и воли, Господь...
Чтоб не ныло от боли сердечко –
Дай мне мысли мои прополоть.

Бабье лето

Вот и Бабье лето на пороге
Запоздало солнце раздаёт.
Слышу птиц в пронзительной тревоге–
Их прощальный близится полёт...

Как ты, Бабье лето, быстротечно...
В лёгкой паутинке сентября
Растворишься в дали бесконечной,
Как осенний лист календаря.

Стоя на своём родном крылечке,
Словно на пороге алтаря,
Я в ладонь кладу твоё сердечко –
тёплый листик цвета янтаря.

Сочиняю

Бытие в семейной форме –
Не поэтики шаги.
Всех стихами не накормишь –
Лучше стряпать пироги.

Знамо дело – больше толку
И в начинке, и вообще,
Чем в стогу искать иголку –

На неженском рубеже.
Ястряпню свою затею
(Проще с бабьей мне руки)...
Сочиняю, что умею –
Сочиняю пироги.

Планету эту знаю наизусть,
Созвездия, с которыми дрейфую
По данной жизни, и порой вслепую
На радость натываясь и на грусть.

Я этот ветер знаю наизусть...
И у него семь пятниц на неделе:
То ураган, то ласков беспредельно...
И пусть бывает солоно на вкус.

Я это небо знаю наизусть –
Чем выше, тем таинственней и глубже,
И чтоб не быть приземистой и уже,
За облаками взглядом тороплюсь.

Ирина Сидельникова родилась 5 октября 1960 года в городе Омске в студенческой семье. Родители, окончив сельскохозяйственный институт, по распределению отправились работать в село Подгорное Ленинск-Кузнецкого района. В 1986 году окончила Кемеровский Государственный университет, филологический факультет. Ирина - сельский библиотекарь в третьем поколении. Увлечение – бардовская песня. С 1998 года руководитель ансамбля авторской песни «Каприз».

Ирина Сидельникова
Ленинск-Кузнецкий район
с. Подгорное

Пишет книгу старик...

Пишет книгу старик, вызывает из прошлого тени.
И охотно они выплывают из тёмных углов.
Вот опять чей-то лик из тумана возник на мгновенье
Из разбуженной памяти или несбывшихся снов.

Пишет книгу старик – это всё, что осталось от мира.
И стекает печаль с нервных пальцев на кончик пера.
Сохрани этот миг, не угасни, капризная лира.
Изольёт пусть щемящую нежность больного вчера.

Пишет книгу старик, пламя свечи, неровно вздыхая,
Лихорадит несмелые строчки вчерашних потерь.
Сумрак ночи приник, влажных окон ланиты лаская,
Время вспять обращая, венчает «тогда» и «теперь».

Пишет книгу старик, возрождая минуты услады.
Вспоминая их нежность, он снова и снова живёт!
Пишет книгу старик. Значит, время пришло, и так надо.
И неважно уже, кто его откровенья прочтёт.

В разгаре шальное лето,
Вся обувь в негодность пришла...
А Пушкин ходил в штиблетах –
Я в книжке одной прочла.

А Пушкин ходил в штиблетах,
Гусиным писал пером...
Я весело шлёпаю в лето
По тёплой траве босиком.

А Пушкин ходил в штиблетах –
Засело в моей голове.
И шутит со мною лето –
Перо я нашла в траве.

Улица Весенняя, бывшая Кулацкая,
Сиротливо ставнями сорванными клацает.
Дворики уютные полонил бурьян.
Ветер бьётся с избами, от свободы пьян.
Спит изба, застужена, на угол припав,
И скрипит сконфуженно средь дурмана трав.
Верный пёс облапал ей старое крыльцо,
С крыши время капает сеткой на лицо.

Тянет прелью склеповой из пустых глазниц.
Не живёт нелепая даже пенъем птиц.
В стены бьётся, мается, дождь тоской немой.
Медленно смывается кулака клеймо.

Час Демона – два часа ночи...
И вновь я блуждаю без сна
По злым лабиринтам пророчеств,
Что в мыслях рождает луна.
Я путь выбираю неверный
До проблесков первых зари,
По мрачным тоннелям inferно,
Где мрак задушил фонари.
В кровь кожу с ладони сдирая,
Тащусь по шершавой стене,
Без злобы в тупик упираясь...
Есть выход, но только во сне.

Заплатки тёплые земли
На белоснежном покрывале,
Пьянящим запахом проталин
Как захмелеть вы не смогли?
Вы не заметили росток
Весенний первый чувств несмелых,
Я так сберечь его хотела,
Но он погиб у Ваших ног.
Капельки звонкий перепляс
Весь мир согрел и растревожил!
Лишь Вас он разбудить не сможет...
Я разочаровалась в Вас.

Памяти В.М. Лацевской.

Чашку горького кофе с лимоном
Я одну налила в этот раз.
И по памяти зыбким салонам
В этот вечер бреду я без Вас.
Я опять опоздала на встречу,
Развела ночь устало мосты.
Грустно тянутся к звёздам увечны
Их пролёты, как крылья мечты.
В них гуляли мы по Ленинграду,
Вдоль Фонтанки мы гордо несли
Нашу радость до Летнего сада...
По какой Вы дорожке ушли?
Где отстала я, вдруг заглядевшись
На сияние каменных дев?
Плачет сад, на листву поредевший;
Никнут ветви, слегка приболев.
Вижу в них Ваши тонкие руки
И печально всезнающий взгляд,
Будто с собственным миром в разлуке,
Или сыграна нота не в лад.
Чашку горького кофе с лимоном
Я не выпью, а лишь причащусь.
Исаакия старым иконам
За себя и за Вас поклонюсь.

Малкова Ирина Игоревна. Родилась 10.01.1971 в г. Орёл, юность провела на Камчатке. Ученица известного российского писателя Евгения Игнатьевича Сигарёва. Член Союза писателей России, главный редактор издательства «Союз писателей», Президент Международного Союза Творческих Сил «Озарение». Автор семи поэтических сборников. Награждена медалью М. Шолохова и Большой серебряной медалью им. Н. Гумилёва за заслуги перед отечественной литературой.

Ирина Малкова
г. Новокузнецк

*Памяти Виктора Шевякова,
камчатского поэта*

*Звезды – медные гвозди в подошвах небес,
Шар земной под полярной стопой.
И Охотские скалы, мой сказочный лес,
Кто-то белой засыпал крупной.*

Виктор Шевяков

Почернела бумага под тяжестью строк,
Покраснела душа от вина.
Есть у памяти странный врожденный порок –
Забывать иногда имена.

Или взять назначенье написанных книг –
Разжигать или печь, иль скандал.

Мы плюем безрассудно в чистейший родник,
Все равно ведь никто не видал.

Мы в себе заглушаем язычества суть
Бесконечною верой в Христа.
Нет бы – просто уйти, нет бы – просто уснуть,
Но зачем преждевременно так?

Понимаю, забыли. Не смог. Не допел.
Одиночества страшен улов.
Но ведь ты слишком тихо тогда прохрипел,
Что устал от ненужности слов.

И размыла слеза твой последний сонет,
Как пророчество правды большой.
И языческий Бог предъявил документ
На владенье бессмертной душой.

Мы другие тогда имена вознесли.
Время каяться. Не обессудь.
Забываем поэтов, посланцев Земли,
В этом памяти дряблая суть.

И надрывно хохочет языческий Бог,
Шар земной под полночной стопой.
Звезды, медные гвозди, в небесный порог
Кто-то вбил всемогущей рукой.

Красный бархат и вечность.
Все снова прошло.
Вот и вся человечества суть.
Может быть, оттого нам так жить тяжело,

Что распятие давит на грудь.

И Охотские скалы – лесной оберег,
И небес роковая пята...
И, быть может, сейчас твой языческий Бог
Мне готовит к оплате счета.

Вдоль прокуренных улиц ютятся дома,
И стекает рассвет по обшарпанным крышам.
Мы воистину горе вершим от ума
И друг друга в сих каменных джунглях не слышим.

Много важных и разных витков у судьбы.
Но простая душа помышляет о Боге.
И вникает эфир тонким звукам мольбы,
И потертая трость вспоминает дороги.

Слушай, дева Весна, соловьиную песнь!
Ведь никто, кроме нас, эту песнь не услышит.
И приходит с Востока долгожданная весть –
Это Солнце встает, – значит, мир еще дышит.

Это ангелы света приходят к тому,
Кто сегодня готов улыбаться и верить.
Мы встречаем рассвет. Кто-то празднует тьму.
Ведь не зря же ночные придуманы звери.

Эту мудрость Всевышнего нам не постичь,
Нам бы в джунглях своих
среди людей разобраться!

Только ходит вокруг разжиревшая дичь...
Научить бы ее... улыбаться.

Без любви мне нельзя.
Потому и даровано свыше –
Что в народе зовется минутная слабость, запал.
А без этого честно хороших стихов не напишешь,
Даже если в случайность меня ты в свою записал.

Даже если вот так – нараспашку сердца и ладони,
И снежинка стекает твоим поцелуем в висок.
Это тронет меня. И прохожего позднего тронет,
Да и свет фонарей будет бережно как-то высок.

Обними. Я прошу. Пусть отступит ночная усталость,
Скоро кончится все, разлетимся по разным мирам.
От меня ничего в этом поприще звезд не осталось,
Только пара молитв, только рифм разноплановых гам.

Без любви мне нельзя. Впрочем, ты это сам понимаешь.
Потому и в глаза мне, как многие, сладко не лжешь.
Я возьму сигарету, а ты – некурящий товарищ –
Мне услужливо спичку к горячим губам поднесешь.

И когда я с окурком своим догорю безнадежно,
Вдруг случайно пойму, как и чем на земле дорожить.
А иначе нельзя.

Потому и снежок осторожно
Заметает следы.

Хорошо-то как, Господи, жить!

Я больше не верю ни алым твоим парусам,
Ни теплым мечтам, что так ловко скрывают реальность.
Я жизнь отмеряю сейчас по песочным часам:
Песчинка – за год. Извини за такую банальность.

Ты знаешь, как долго я видела в море твой след.
Я все гороскопы и сонники перечитала.
И вот ты пришел. Ничего невозможного нет.
Последняя капля песка на ладони упала.

Я вымою руки в предчувствии новых потерь.
И вот от мечты остается обломок печали.
Ты тоже, мой друг, ничему в этой жизни не верь.
Хотя подожди, можно верить, что слово в начале.

И свет, и тепло, что расплескано в душах сполна,
Возможно, согреет двух странников этой эпохи.
Песок соберем, создадим для себя времена,
Ну чем мы, скажи, для себя не цари и не боги.

Мосты возведем и роскошные с виду дома,
Чтоб было куда уходить и потом возвращаться.
И пусть в нашем мире ни разу не грянет зима,
А то ведь придется надолго друг с другом остаться.

Сложи в уголок эти алые с виду холсты,
И пусть этот мир за окном будет зол и печален.
Я больше не верю в мечту, потому что есть ты.
Реальность моя. Мое главное слово – в начале.

Русских Анастасия Евгеньевна. Родилась 25.10.1971 года в г. Прокопьевске Кемеровской области в семье учительницы русского языка и литературы Эрны Васильевны Куприк. Член Союза писателей России. Обладатель Гран-при фестиваля «Февральские метели –2004», лауреат областного конкурса профессионального творчества библиотекарей «Книгиня-2010». Автор четырёх поэтических сборников и одного сборника сказок.

Анастасия Русских
г. Новокузнецк

Приоткрыть глаза. Увидеть, как
Луч крадётся по кровати дужке.
Белая страница потолка...
Шаль свернулась кошкой на подушке...

Милый, прошлый, брошенный уют –
Он уже не станет настоящим
Для гонцов, что утром не встают –
Падают – в невь, как в чёрный ящик.

Выход – это после. А сейчас –
Подчиняться вечному закону,
Отрывая душу в сотый раз
От земли, как ноги от гудрона, –

Чтоб, с очередного рубежа
Вдаль срываясь на попутных скорых,
Заново учиться не держать
Отражений в радужных озёрах

И сквозь мир, что груб, как оргстекло,
И с трудом, но всё же познаваем,
Проходить бесследно и светло
Наглухо застёгнутым джедаем...

Марш сотых обезьян

Все люди братья.
Некоторые – друзья, но
где-то в секретном месте
уже сейчас
собраны в сотни сотые обезьяны.
Только пока не все.
Не хватает нас.
Это секретное место –
у нас под носом,
может быть, слева,
а может быть –
впереди.
Зря ты торопишься и задаёшь вопросы.
Зря суетишься и маешься.
Просто –
жди.

Сотни стекаются в тысячи –
мёдом в соты,

стружкой железной —
в магнитных витков цветок.
Ты не узнаешь,
где и когда стал сотым,
просто войдёшь в свой кластер,
как ключ — в замок.
Чувствуешь ток,
что уже побежал по пальцам
сообразительной крысой
сквозь тупики,
нежно усами
сканирующей пространство?..
Чувствуешь шок? —
это пальцы —
твоей руки...

Сотым не надо ждать превращения в йети,
переждать состояние —
"человек";
нам не нужны
телефон, телеграф, соцсети,
чтобы услышать друг друга
за сто парсек.
Просто — встаёшь на место
и знаешь — должен
выстоять вахту —
уже до конца времён...
Сотни стекаются в тысячи.
Нас всё больше,
нежели тех,
имя чьё —
легион.

Никогда не бойся ничего.
Ты – вопрос, что Мирозданием задан
Самому себе. И всё, что рядом, –
Суть ответ. Лишь выслушав его
До конца, есть шанс дохнуть на ладан.
И ни шанса ровно – до того.

Боль, вражда, смятенье, колдовство,
Горы, пламя, пропасти, пустыни,
Кровью осквернённые святыни –
Да не кем-то, а самим тобой... –
Никогда не бойся. Ничего:
Всё пройдёшь. И всё пройдёт. И схлынет.

Человечьи годовые кольца
Много крепче прочих древесин.
Страх умеет выбивать из сил, –
Только с ним и следует бороться.
А насчёт «не верь» и «не проси» –
Наплевать. Проси. И верь. Не бойся.

Особенности жаргона 2000-ых

Яркий лучик бьёт наотмашь
По седому январю.
Ты такой – стоишь и смотришь.
Я такая – не смотрю.

Ветер явно дует с юга:
Воздух – хмель и волшебство.
Ты такой: привет, подруга!
Я такая: чё-кого?

Я иду неторопливо,
Мне бы надо на трамвай...
Ты такой: давай по пиву!
Я такая: ну давай...

Пиво, джин, коктейль, текила...
Тают зимние снега.
Ты такой: прикинь, чё было!
Я такая: ни фига-а!

Солнце каплями стекает
По сосулькам, льёт рекой...
Ты такой... а я такая:
Ты какой-то не такой!..

Зря надела каблуки я,
Нынче б – в ботах, и в плаще...
Мы такие... никакие.
Никакущиеваще!

Почему ты ешь веник, зверюга?!
Аль мы рыбы тебе не даём?
Али с грубой клетчаткою туго
В организме пушистом твоём?
Али вискаса в доме нехватка?..
Ну, скажи, это видано где ж?!
Я тебя призываю к порядку,
А ты слушаешь, рыжий, да ешь!

Не могу вечерами заснуть я –
Всё пытаюсь понять: без балды,
Чем вот эти корявые прутья
Лучше всякой хорошей еды?
Ты же ведь не бобёр, и не лемминг,
А смотри; грызунам-то под стать!
И тобою обглоданный веник –
Просто стыдно ж гостям показать!

Вон – тушёнка на блюдечке тухнет,
Валерьянка не пита стоит...
Почему ты – как сунешься в кухню –
Вечно мордою в веник зарыт?!
Неприглядная эта картина
Наблюдается с самой весны...
Почему ты жрёшь веник, скотина?!
Ну, пожалуйста, мне объясни!

...Но решение этим вопросам
Я нашёл. Уже всё на мази:
Веник – в топку. Приду с пылесосом.
И попробуй его погрызи!

Мир – это вечный туман. Все константы шатки.
Пару шагов шагнёшь – а проходишь пять.
Позднее утро. Ёжик звонит Лошадке
И говорит: «Не достало тебя – пахать?»

Ветер ленивый сухую листву ерошит,
Бэтмен кружится над лесом, как некий знак.
«Очень достало, – Ежу отвечает Лошадь. –
Очень-преочень. Не представляешь – как».

Звон подстаканников. Стук каблуков – за кадром.
Филин глядит в колодец, но видит лёд.
Ёжик заходит в туман на четыре ярда
И уточняет: «Ты слышишь меня? Алё!»

Лошадь кивает. Воздух похож на студень.
Волны от жестов расходятся полчаса.
«Ты представляешь, здесь, кажется, ходят люди!»
«Что ты?!» – «Серьёзно. Я слышала голоса», –

«Не обращай внимания, это глюки», –
«Экий ты скептик, однако...» – «Да, я такой».
Воздух крадёт шаги, поглощает звуки,
Млечное марево стелется над рекой.

Чуть улыбнёшься – и солнышко вдруг проглянет,
Чуть опечалишься – тут же начнётся дождь...
Людям не стоит шарахаться здесь, в тумане.
Мало ли что случится, пока ты ёж.

Литературно-художественное издание
«ОБРАЗ»

Главный редактор: Д.А. Филиппенко

Редколлегия альманаха:

С.В. Уланова

С.В. Логинов

Компьютерная вёрстка: Д.А. Филиппенко

Корректор: К.М. Уланова

Рисунок на обложке: Н.А. Райц

ББК 023

023 Сборник литературных произведений.—

Ленинск-Кузнецкий:

Литературный альманах «Образ», 2015. 86стр.

023

© Сборник литературных произведений, 2015

© Литературный альманах «Образ», 2015.

